

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Стихи были написаны на музыку Исаака Дунаевского для фильма «Концерт Бетховена». В одном из эпизодов ее исполняют дети в повязанных поверх белых рубашечек красных галстуках. Они едут в Москву из Белоруссии и в дороге запевают: «Эх, хорошо в стране Советской жить, Эх, хорошо стране полезным быть!» Песню подхватила вся страна.

Автор стихов ленинградец Владимир ЛЕБЕДЕВ-ШМИДТГОФ — сценарист, актер, режиссер. Его жене Вере Андреевне Арцимович (сестре, кстати, знаменитого академика) — 86. Лебедев-Шмидтгоф был старше ее на 14 лет. Он ей много рассказывал о своих молодых днях. О том, как в 1918 году с помощью Горького и Блока создавался Большой драматический театр, и в числе первых артистов — Юрьева, Монахова, Максимова, Сафонова — был и он сам. О первом театре политической сатиры, для которого писал пьесы. О дружбе с Сергеем Есениным, который читал ему еще неопубликованные стихи.

Жизнь Лебедева-Шмидтгофа складывалась благополучно. Он увлеченно снимался в кино, писал сценарии, получал положительные отзывы Ленинградского партактива, самого Кирова, премии киностудии. Но в 35-м его перевели на студию Белгоскино. Поразительно, но режиссер несколько не расстроился и снял здесь свой лучший фильм «Концерт Бетховена» по сценарию Пхора.

Фильм имел оглушительный успех не только в СССР, он получил премию на Всемирной выставке в Париже (золотая ветка на малахите всегда лежала на столе у Владимира Георгиевича), потом были шесть недель аншлагов на Бродвее. По данным Инторгкино, этот фильм принес Советскому Союзу столько же валюты, сколько «Чапаев».

С Верой Андреевной они поз-

Он не погиб при пересылке

Лебедев-Шмидтгоф написал «Эх, хорошо в стране Советской жить» и попрощался с ней в 44 года

накопились на съемках. Переехали в Ленинград, в квартиру матери Лебедева, актрисы. Картины, широкая тахта со шкурой медведя, бархатные гардины, круглый стол, покрытый красной скатертью с «золотой» бахромой, — Вере, выросшей в небогатой семье доцента статистики, казалось, что она попала в музей.

1 апреля 38-го года Вера возвращалась домой, радуясь каждой ступеньке, приближавшей ее к мужу. Дверь открыл военный. У письменного стола сидел следователь. В шесть утра ее мужу сказали: «Одевайтесь».

В книге «Архипелаг ГУЛАГ» Александр Солженицын на вопрос: где человек, написавший «Эх, хорошо в стране Советской жить», отвечает, что тот погиб при пересылке, на этапе. Но это не так.

Вера Андреевна вспоминает:

— Володю привезли в Кресты и бросили в камеру, где было двадцать шесть человек. Трудно дышалось. Люди были в страшном виде, с синяками и даже опухолью на лице. Часто вызывали кого-нибудь, и все вставали испуганные, думая, что это зовут их. Некоторые уже не возвращались, другие приходили ужасно избитыми.

У Володи после допросов болели внутренности, он еле двигался, не мог говорить. Соседи по камере уговаривали его со всем соглашаться на допросах. Однажды дверь открылась и сказали: «Забирать свои шмотки и вытряхивайтесь». Он очнулся на холодном полу камеры. Голова не кружилась, и рядом был знакомый голос — из безмятежного прошлого. Открыв глаза, Володя увидел человека, с которым готовил «капустники» в Доме кино. Это был доктор, с которым его познакомил режиссер Эрмлер. Он действительно много помогал, оформлял

сцену. Всегда приходил чисто выбритый, подтянутый, веселый. Он не рассказывал, где работает, а только говорил, что благодарен им за то, что может здесь отдохнуть душой. Теперь Владимиру довелось узнать, от чего ему так требовался отдых.

Сегодня Вера Андреевна сожалеет, что не записала дословно рассказы своего мужа. Кто же знал, что об этом можно будет говорить свободно.

Она искала его по всем ленинградским тюрьмам, время было — с работы Веру уволили как жену врага народа. Знакомые как-то сразу пропали. Однажды прозвенел телефонный звонок: ее вызвали в ГПУ. За столом сидели четыре человека, начался допрос. «В каких отношениях был ваш муж с немецким послом? Сколько раз он бывал у него дома? Вспоминайте!»

— Я вспомнила: «Машина!» «Мы с Володей шли со студии и увидели красивую машину. А тогда шли съемки картины «Форпост великой родины» и необходимо было отличное авто для какого-то начальника. Выяснили, что машина принадлежит немецкому консульству». — «Ну, а дальше?» — «А дальше ничего не было». — «Откуда у вашего мужа немецкая фамилия?» Я не знала этого. «Ведь он немец, не так ли?» — «Не знаю». «Знаешь, куколка», — и ударил ее по голове так, что она отлетела к стене. Сразу — темнота. Потом вытерли кровь с лица и подсушили поближе бумагу: «Распишитесь на этом документе». Читаю сквозь слезы: «Я, Арцимович В.А., обязуюсь не разглашать государственной тайны»...

Она действительно никому ничего не говорила, даже через тридцать лет в больнице, когда ей сказали: «Но одно ухо у вас не слышит», — она доказывала, что отлично слышит. «Нет, у вас разбита барабанная перепонка. Вы,

наверное, когда-то ударились ухом», — возражал врач.

Спас Владимира Георгиевича Калинин — Всесоюзный староста. Два дня Вера стояла в очереди на прием к нему.

— Однажды в десять вечера в квартире раздался звонок. К нам давно никто не приходил, не звонил. Я открыла, молоденькая женщина с порога спросила: «Ваш муж вернулся?» — «Нет». Я мало что понимала. А женщина обернулась и позвала: «Серезжа, иди сюда». По лестнице поднимался очень высокий, красивый молодой человек. Поравнявшись, он вдруг меня поцеловал и сказал: «Я исполняю твою просьбу». Уже в комнате рассказывал, как многим обязан Володе, как все его любят в тюрьме за юмор. «Я думал, он уже дома. Ему сказали, что у него кожанка старая, а это — первая ласточка».

Мы вышли на кухню, и жена Сергея расплакалась: «Вы знаете, почему его выпустили? Ему отбили легкие, он пришел умирать».

Владимир пришел домой 11 июня 1939 года.

Вера в тот день возвращалась от брата. Тяжело было смотреть, что вокруг люди могут жить и поселиться. «По долгой кривой улице нашей жизни мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов... Мы не задумывались: что за ними? Ни глазом, ни разумением мы не пытались за них заглянуть — а там-то и начинается страна ГУЛАГ, совсем рядом, в двух метрах от нас».

В открытую дверь она увидела его кожанку. Она подумала, что его расстреляли, а вещи принес-ли.

Но у двери в ее комнату стоял Володя с распростертыми объятиями. Вера его обнимала и все время думала, что это сон. Вечером после ужина Вера, вымыв посуду, вошла в комнату. Володя сидел у детской кровати, сжав

голову руками... Это был уже не остроумный весельчак, балагур, любитель общества, которого помнила молодая жена.

Пришел директор ленинградского цирка Евгений Павлович Гершуни. Они долго говорили о том, что надо поскорее уехать, многих выпускали и брали снова. Володя сказал, что хочет в Киев, и просил друга никому не рассказывать об этом. Он обнял Гершуни и вдруг заплакал:

— День «освобождения». Как будто в этой стране есть свобода.

Они все-таки решили уехать в Киев. Вере он очень понравился. Вся в цветах киностудии. Приняли их тепло, радушно. В 1941 году они здесь выпустили художественные фильмы «Академики», «Макар Нечай». А в июне вместе с писателем Евгением Петровым приступили к постановке музыкальной комедии «Тиха украинская ночь». Вера Арцимович была назначена на главную роль.

И наконец первый съемочный день. Вера очень волнуется. «Мотор включен, съемка начинается...» И вдруг всё выключают, тушат свет и бегут наверх к директору. Радио: «Говорит Москва...» Левитан. Война.

Шмидтгофы были эвакуированы в Ашхабад. Здесь снимались фильмы «Люди Красного Креста» по фронтовому корреспондентом Габриловича, «Открытие сезона» и другие. А летом 1943 года Владимира Георгиевича назначили режиссером-постановщиком Свердловской киностудии. Он собирался ставить фильм «Маленькая героиня» по своему сценарию, предполагал экранизировать «Уральские сказки» Бажова... Но 10 января 1944 года Лебедев-Шмидтгофа не стало. Ему было 44.

Виктория ДЗИВАК
Санкт-Петербург